М А Р О К А № 5

о к т я б р ь 1987г.

Свердловск

И Н Т Р О Д У К Ц И Я

Рожденный в долгих муках, октябрьский номер "МаРоки" получился слегка полноватым, чем объясняется его вялый характер. Деваться некуда: что выросло - то выросло..

Кое-что о помещенных материалах. Поддавшись общему энтузиазму, царящему в советской прессе, мы извлекли из-под сукна стародавнюю беседу Грахова с Курехиным, и, сократив длинноты и непечатности, предлагаем на ваш суд взамен дежурного репортажа об октябрьских гастролях ПОП-МЕХА в Свердловске. Рассказ "Дрим номер девять", впервые опубликованный в журнале "Эплоко" (№2, 1985г.), радует глаз и сейчас, в чем-то перекликаясь с шероховато-струйчатым опусом Вовы Гуляева, созданным по его словам автора, под непосредственным впечатлением курехинского балагана.

Раздел "Знай наших !" расскажет о ВСТРЕЧНОМ ДВИЖЕНИИ и ВОДОПАДЕ.

Отсутствие текстов ВОДОПАДА вызвано концептуальностью альбомов этого самобытного коллектива, а выдергивание отдельных фраз и даже текстов песен не позволит оценить замысел и уровень воплощения - проще взять и прослушать "Панк-съезд" целиком.

Сентябрьское выступление Наумова по-

радовало многих - до сих пор идут круги по воде. Зато НАУТИЛУС, похоже, утомился. Ладно еще, если это отдых перед новым рывком (и на семинарском концерте группа выглядела несообразно своему нынешнему положению...)

Какого вкуса "свежая кровь" вы узнаете, прочитав ответы нового администратора клуба Руди Стерхова.

В качестве дессерта - россыпь каламбуриков из цикла "Бухие телекончики".

У Р А Л Ь С К О Е
З А Ч А Т И Е

"...Молчи и дохни.
Рок - хозяин, ты -лишь раб.
Плюнь, ослепни и оглохни,
И ворочайся, как краб".
Саша Чёрный

"...Вы знаете, у блюза был ребенок, и его назвали рок'н'роллом", - поет Мадди Уотерс. Этот странный и неправильный мальчик, как известно, забрел и к нам. Суровые дяди и сердитые тети долго воротили нос от "буржуазного" подкидыша, который, тем временем, нахально наводил мотивы своих злых песен под аккомпанимент электрических инструментов. Мало кто верил, что этот болезненный и нервный подросток приживется - но последнее стало фактом уже несколько лет назад. Сегодня же мальчик повзрослел, он начинает понимать: необходимо определиться в жизни и начинать зарабатывать себе на хлеб. Опыта у него здесь почти нет (да и откуда ему взяться?)

Процветающий закордонный его брат в этом мало чем может помочь, а блистательные его фантомы, прижившиеся в объятьях филарфонических эстрад, зачастую слишком накладисты и бестолковы, чтобы служить примером.

Но, слава богу, мир не без тех людей, для которых воспитание этого мальчика очень

важно, и даже составляет смысл жизни. Долгое время им приходилось действовать в одиночку (и приходилось туго!). Сопротивление косности укрепляет их дух, но, чтобы оно было успешным, усилия требовалось объединить.

Проведенный в октябре семинар, посвященный объединению рок-музыкантов в единую организацию, проблем не решил - но дал мощный толчок к действию.

Турбаза "Селен", ставшая традиционным местом сбора Свердловских рокеров, в этот раз стала свидетельницей потрясающего события: со всей страны съехались взрослые солидные люди, чтобы:

а) узнать друг друга;

б) понять, что все они заняты общим делом;

в) предпринять, наконец, какие-то меры шаги, чтобы это дело не стояло на месте.

Как пишут в солидных изданиях, "география семинара была солидной". Приехавшие представляли почти двадцать крупных (и не очень) городов Союза.

Знакомство, состоявшееся в первый вечер, продолжалось довольно долго. Многих узнавали и без объяснительных речей и радостно приветствовали. Впрочем, все стихало после одной-двух реплик Грахова, уверенно державшего

тамбурмажорский жезл в течение всего семинара, и всё продолжалось. Каждый, поднимающийся с места, уже не был самим собой, но был олицетворением всех рокеров своего клуба вместе взятых, живым, унифицированным воплощением истории и проблем клуба.

При всем многообразии местных особенностей и частных подробностей, суть у всех одна и складывается из нескольких этапов:

1) длительный "андеграунд" в условиях безвоздушной окружающей среды;
2) остервенение от разброда и мучительный рывок к объединению;
3) безденежье-безаппаратурье- безапелляционность властей;
4) следующий этап возможен лишь у нескольких солидных клубов: наступает период стабилизации отношений между рокерами и официозом и, даже, международных связей;

Кульминацией первого вечера семинара стала фраза Умецкого (насчет паренья ног), произнесенная им с экрана, с которого, напоминая героев Кэрролла, нам улыбались Егор Белкин, Женя Димов, Саша Пантыкин и другие официальные лица. Пережитый в результате просмотра фильма "У меня нет друга" катарсис, а также впечатления от знакомств не позволили участникам семинара просто лечь спать.

Еще долго тезка с "Селены" уныло смотрела на ночную тусовку с песнями, чаем и стебом, перманентно перешедшую в утреннюю. Морозом, солнцем и головной болью занималось утро главного дня семинара. Занималось трудно и сонно. Но вот задымилась первая сигарета, был съеден первый завтрак. Тамбур-мажор взмахнул жезлом, задав оркестру размер...

Саша Старцев еще тихо кочумал в номере, когда Катя взяла ручку и протокол, а Гуницкий слово, и слово было "рок". В тот день его перетряхивали на все лады - социологи и музыканты, кандидаты и фотографы, газетчики всех мастей и администраторы, и даже один великий композитор (который, если верить своим глазам, тоже присутствовал здесь): как сделать так, чтобы можно было играть рок свободно - не оглядываясь на дядь и теть из управлений и комитетов? Как сделать так, чтобы не было сомнений, что рок - это адский труд, требующий огромных духовных и физических затрат, и за него, как за любой труд (который есть деятельность целесообразная!) надо платить? Как избавляться от дрянного аппарата, а главное, на что и откуда приобретать хороший, чтобы не избить дело на корню? Как добиться, чтобы бросая критический взгляд на мир, музыканты и себя не упускали из виду, и были бы действительно "прора-

бами духа", а не бездарными дёргателями струн и чужих нервов? Как сделать так, чтобы для "тусовки", приходящей в лоно рок-музыки, она была необходима для того, чтобы думать, а не только поводом к экстатическому снятию комлексов? И, наконец, как поддерживать рокерам и клубам связь между собой и откуда брать информацию друг о друге? Это далеко не полный перечень вопросов и проблем, занимавших публику в дни семинара.

Умница Мейнерг, резкий Гуницкий, чудный Смирнов, сладкий дядя из столичного журнала, настроенный решительно и лево Мурзин, импульсивный фотограф Наташа Васильева из Ленинграда, рассудительный Кормильцев и многие другие выступали не по разу, говорили о том, что больно, что живо, что важнее всего.

В холоднющем зале воздух раскалился от пламенных речей бьющих в точку и мимо, обдуманных и спонтанных, деловых и абсордных. Иной раз всеобщее воодушевление достигало кульминации - все орали. Никто никого не слушал. Но пара сердитых реплик тамбур-мажора остужали горячие головы, и все возвращались в рамки серьезного мероприятия.

В этом "дым-коромыслом" было главное - ощущение единства цели, а значит силы, которая, преодолев неизбывную тягу к тусовке

и экстремизму в рядах, могла бы реально воздействовать на жизнь рока в стране. Идея объединения всех клубов и людей, преданных року, с целью решения общих насущных проблем в <u>федерацию</u> сопутствовала кворуму, поэтому Крысов, произнесший это слово с трибуны, стал, так сказать, рупором общественного мнения.

Имея законное обоснование в качестве "Постановления ВЦИК от 1932г. о творческих союзах" федерация, как объединение всех рок-клубов в единую систему на паритетных началах, смогла бы отстаивать интересы рок-музыкантов, не связанных с госконцертными организациями, могла бы находить свои организационно- административные структуры, возможности общения с властями и публикой и издавать свой справочно-коммуникативный дайджест.

Теоретическая часть сменилась долгожданным ужином. Если верить Игорю Северянину, который говаривал "Душа и разум - антиподы.
Она-восход,а он- закат",
то после ужина на базе начался восход. Поток сознания и рок-рефлексии временно остановился, а на сцену вышел Александр Башлачёв. Истинность, боль и духовность были рядом с ним, резонировали со струнами его гитары, входили в каждое слово и звук...

Чуть позже выступил Билли Джоэл (но с экрана), правда с меньшим успехом.

Ночью интеллектуальные атаки на врагов рок-музыки продолжались ; самые отчаянные не сломались и на их знаменах было написано слово "Федерация". Трофея ночных битв - проекты 3-х документов: Манифеста, Устава и Программы федерации рок-клубов Советского Союза, были преподнесены утром тем, кто спокойно спал всю ночь. Последние были полны сил, когда изможденная группа авторов оглашала проекты, очень живо обсуждали каждое слово. Для "ратификации" каждого документа было необходимо созывать специальное заседание. В этот день состоялось в перерывах между перекурами два обычных и одно учредительное собрания, на которых была отработана и запущена в ход канцелярия Федерации рок-клубов. Особая торжественность сего дня, по общему решению, увековечилась объявлением отныне и навеки третьего воскресения октября Днем Советского Рокера, с предложением отмечать его в каждом городе проведением гала-концерта рок-музыки. В качестве примера уже в Свердловске был проведен концерт четырех наших групп : КАБИНЕТ,НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС, ВСТРЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ,ЧАЙФ. После двух суток сплошныз разговоров, музыка стала приятной неожиданностью.

Самым печальным в процессе семинара была разлука - расставались горько, мучительно и еще в течение недели в 64-ой комнате можно было наблюдать бледные, но счастливые лица ребят из Минска, Тюмени, Ленинграда, которые не хотели брать обратные билеты, уезжать из города, ставшего родиной Федерации.

П.Архский

П И С А Т Ь -

Н Е   Л О П А Т О Й

М А Х А Т Ь . . .

Редакционный "черный ящик" постепенно стал наполняться содержанием, реклама и упорство сделали свое дело. Белая папка "В МаРоку" вместила в картонное брюшко страстный панегирик Юрию Наумову, механистический пересказ дубль-альбома "Чайфа" и ленивый отзыв на выступление "Поп-механики" в Свердловске. Было еще одно письмецо личного характера, в котором вскользь упоминалось о сентябрьском шоу АМ в Качканаре: "...ходил на концерт АПРЕЛЬСКОГО МАРША, мне они показались интереснее, чем на записи. Делая скидку на "магию живого выступления", предвижу их скорый успех на волне популярности уральского рока. Лишь бы успели, да не продались за бабки, сейчас это модно. А так молодцы, особенно вокалист и бас-гитарист, у них есть свое лицо, остальные, похоже, ищут себя ..."

v Анонимная оценка творчества Юрия Наумова во многом совпадает с мнением редакции: "Первый же аккорд буквально втиснул меня в кресло, влепил намертво, но нет, медленно выпрямляюсь и смотрю в этот круг света, где творится что-то непонятное, смотрю, не отрывая глаз, а на меня несутся резкие аккорды и от них вздрагиваешь, словно от ударов, и глаза просто отказываются видеть что-либо вокруг, только круг света, чело-

века в нем и звуки...

"Возвращение солдата" - уже не просто аккорды - это выстрелы в упор, они разрывают, пронзают насквозь, но их ждешь...

"Мама" - какое открытое и незащищенное слово, резко контрастное со всем остальным...Крик боли, переходящий в стон, тихий и обессиленный... Это был первый удар!

А вторым, гораздо мощным, стал "Катафалк", он просто выдергивает из зала и ставит лицом перед чем-то страшным, чему не подобрать слов, и пальцы бессознательно ищут опору, вцепляясь в нее до белизны, до дрожи... "Катафалк" втягивает в себя надолго и напряжение после него откатывало зверски медленно...

Кончается концерт как-то неожиданно. Комната рок-клуба, конечно, чай. Юрий что-то говорит, по-моему, дает, интервью (а где же оно, интересно знать? - прим.ред.) и, наконец, берет гитару. Его просят петь то, что особенно дорого и это были такие песни! Время проходило мимо, а его голос врезался в меня, не давая покоя по сегодняшний день.

После "Частушек" он совершенно обессилел, а пальцы выстукивали по корпусу гитары какой-то ритм... этот момент в памяти особенно отчетлив..."

Продукт группы "ЧАЙФ", выпущенный в мир в сентябре, еще не нашел себе достойного крити-

ка. Один мэтр в ответ на просьбу оценить "Дерьмонтин" или "Дулю с маком" провозгласил примерно следующее: "ЧАЙФ - это группа, живущая в полном соответствии с законами рок-культуры и этим все сказано".

Поэтому мы решили не утруждать вас прочтением полного текста имеющейся рецензии и показать лишь пару кусочков:

"Если бы Шахрин пел по-английски, то знатоки не отличили бы его от Джаггера, а при вникании в проблему "если все будут делать то же" это впечатление усиливается..."

"... в полной мере кредо ЧАЙФА выражается от имени "Ободранного Кота", имеющего собственную сторублевую сберкнижку..."

Впечатления безымянного корреспондента после посещения концертов Сергея Курехина настолько тусклы, что по общему мнению редакции их сплющили до абзаца:

"Весь вечер меня не покидало ощущение: это мне должно нравиться, ведь это сам КУРЕХИН, но я постоянно ловил себя на мысли, что они просто "ловят свой кайф". Позови он на сцену меня, я смог бы не хуже..."

Редакция"МаРоки"не собирается оспаривать сомнения автора, вполне отдавая себя отчет в том, что описывать шоу "ПОП-МЕХА" заня-

[illegible]

тие неблагодарное, гораздо интереснее просто побеседовать с Капитаном КУ, что и сделал наш Николай Грахов (его интервью, взятое бог знает когда, наконец-то созрело для публикации и ждет вас через десяток страниц).

Вот и всё. Хорошего помаленьку.

Х Е Л Л О У ,

Р У Д О Л Ь Ф
И В А Н Ы Ч !

Редакция "МаРоки", желая заручиться официальной поддержкой руководства клуба, поспешила протянуть открытую ладонь новому администратору - Рудольфу Стерхову, а заодно прощупать почву.

"МаРока": ОТКУДА ТЫ ТАКОЙ ВЗЯЛСЯ?

Рудик Стерхов: В Ижевске я оставил свои детища: команду "Рок-артель", местный рок-клуб, а также должность зав.муз.частью тамошнего Русского драм.театра.

М: КАКИЕ НАШИ КОМАНДЫ ТЫ СЛЫШАЛ ДО ПРИЕЗДА В СВЕРДЛОВСК?

Р.С.: В 86-м я был здесь на фестивале... А до того: "У.Д." любил; "Трек" ставил рядом с "Аквариумом" и "Битлз".

М: ТВОЙ ХИТ-ПАРАД УРАЛЬСКОГО РОКА НА КОНЕЦ ОКТЯБРЯ 87-го?

Р.С.: "Кабинет","Чайф","Коктейль", "Настя","Встречное движение","НАУ","Апрельский Марш" и "Водопад" следует рассматривать отдельно.

М: В ЧЕМ,ПО-ТВОЕМУ,БУДУЩЕЕ НАШЕГО КЛУБА?

Р.С.: В плане "человеческий фактор" - не во мне, в "историческом значении" - смычка между городами (Москва,Ленинград, Таллин,Новосибирск) и "деревней".

М: ТВОИ ЛИЧНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРИСТРАСТИЯ?

Р.С.: "Кинг Кримзон", Пит Габриэл.

М: ЕСЛИ БЫ ТЫ РОДИЛСЯ ДЖОРДЖЕМ МАРТИНОМ, НА КОГО БЫ ПОСТАВИЛ СЕГОДНЯ?

Р.С.: Увы, я родился собой; и, к тому же, в России... После "Рок-артель" поставлю только на себя.

М: ЛЮБИМОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ?

Р.С.: Все они мешки.

М: КАКОВЫ ТВОИ БЛИЖАЙШИЕ ПЛАНЫ (ПО-ЧЕСТНОМУ) ?

Р.С.: Сесть за парту УГК... если найдется место.

М: ТВОЙ ЛЮБИМЫЙ НАПИТОК ?

Р.С.: Пепси,... "особенно утром, со сна".

М: ЧТО, НА ТВОЙ ВЗГЛЯД, ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАВНЫМ ДЛЯ РОК-МУЗЫКАНТА ?

Р.С.: Рок-музыка, как она есть. А в чем она твоя - спроси у них...

М: СЧИТАЕШЬ ЛИ СЕБЯ НЕФОРМАЛОМ И КАКИМ ?

Р.С.: Раньше считал. С ноября оформлен при ДК им.Свердлова. Теперь только непризнанный.

М: ЛЮБИШЬ ЛИ ДАВАТЬ ОТВЕТЫ НА ДУРАЦКИЕ ВОПРОСЫ ?

Р.С.: Больше люблю сами вопросы.

М: ДАЙ СОВЕТ НАШЕМУ ЖУРНАЛЬЧИКУ .

Р.С.: 1)Пишите, Шура! Пишите!!

2)Больше! Шире! Глубже!

3) А слабо стать приложением журнала "Кролиководство" (зато "легально")

Вот он какой, Рудик Стерхов. Как только Коля пригласит в СРК товарища Сухова, это будет сильнейшая тройка в советском рок-менеджменте. УРА !

Р А З Г О В О Р
С
М А С Т Е Р О М

Н.Г. - Как бы ты определил то, что делал вчера в первом отделении: это что - хеппининг, тотальное искусство? Но, опять же, хеппининг включает и зрителей, а здесь зрители просто присутствовали при каком-то действе, которое происходило на сцене. У меня есть какие-то определения, но, наверное, лучше всего ты скажешь.

С.К. - Хеппинингом это назвать вообще невозможно, потому что само по себе слово хеппининг не очень удачное и вообще не подходит к тому, что мы делаем. Дело в том, что я говорил уже: я люблю всевозможную музыку, разнообразную, музыку всех времен и народов, я считаю себя больше слушателем, чем исполнителем, потому что большую часть я слушаю, а меньшую часть исполняю. Слушая всевозможную музыку, я стараюсь использовать ее максимально у себя на концертах. Но вчера была не совсем показательная программа; потом, я думаю, что музыка должна быть разнообразной и необязательно принадлежать к какой-то определенной конкретной музыкальной традиции. Дело в том, что поскольку такая музыка совмещается в

одном концерте или в одном отделении, или в одной композиции, то связующие элементы у нее должны быть совершенно отличающиеся от тех, которые до этого существовали, поскольку это совершенно разные стили; это нельзя определить как полистилистику, это к ней не имеет никакого отношения; традиционные связки здесь отсутствуют, и приходится выдумывать их самому. Скажем, музыка сначала идет приблизительно мусульманская - я очень люблю слушать мусульманскую музыку, но поскольку я не являюсь профессиональным мусульманским певцом, то я стараюсь сделать это искренне и как мне нравится. У слушателя должна создаваться определенная установка: возникло чувство, ощущение мусульманства сначала - значит, я добился того, чего хотел. То есть в знаковой системе передается то ощущение, которое я хочу передать, но это знак, который присущ только мне: я стараюсь этот знак передать слушателям.

Н.Г. - Но это все идет через чувства?

С.К. - Да. Вот сначала мне нужен знак мусульманской культуры. Когда я составляю

композицию,когда я пишу музыку, я составляю ее по психологии формы и обязательно прокручиваю это все в голове. Когда я прокручиваю эту музыку в голове, я автоматически вижу все, что происходит на сцене со мной и с теми музыкантами, которые в данный момент эту композицию исполняют. Давайте говорить о конкретном: я и Летов. Я на сцене вижу как все происходит, и пока у меня не прокрутится в голове вся композиция, вообще вся, она не выходит на сцену и не начинает реализовываться на бумаге. То есть, предположим, я составляю материал, приблизительно так: беру произвольно - начало у нас должно быть тихое. У нас много времени впереди, шуметь сначала не нужно, нужно публику подготовить. Я думаю, что поскольку подготавливать ее не нужно, скажем, Бетховеном, потому что это дает совершенно неверную установку, ее нужно подготовить к тому, что будет немножко не то, что они привыкли видеть. Скажем, если бы я хотел добиться того, что нужна стопроцентная мусульманская музыка, то мы бы не то что стилизовали

- мы бы исполняли конкретную мусульманскую музыку, но мне это абсолютно не нужно: я добьюсь той установки, которая мне нужна, средствами, которые я сам могу исполнить. Поскольку нас всего двое, я не могу привлечь, скажем, ансамбль исполнителей на всевозможных исламских инструментах, я не беру оригинальные суффийские тексты, потому что тексты придумываю сам - я даю установку. Значит сначала нужно тихонечко, чтобы все развивалось нормально: - Летов, говорю я, - пожалуйста, прожужжи там что-нибудь, какие-нибудь ступени, характерные для мусульманской музыки. Я попробую, что нужно в первую очередь - ну, там постукать, попеть для себя. Потом я думаю: первую треть мы построим так, чтобы - поскольку дальше будет очень много всевозможного шума, - я люблю поиграть технично, и Летов тоже, и чтобы публику не утомить огромным количеством шума, вся первая часть будет очень тихая, в ней ничего не происходит, кроме сцен движения. Сцена движения должна быть такая, чтобы люди не просто что-то делали, а чтоб было видно, что это как-то связано с музыкой, движения обязательно сопровождаются какими-то звуками движения. Вот и придумываем, сидим: та-та-та, я попел мусульманскую музыку, а потом, значит, нужен элемент идиотизма - элемент идиотизма прос-

то необходим, чтобы публика пришла в хорошее расположение духа. Этим достигается установка на нетрадиционное восприятие - раз, достигается то, что сразу понятно становится: вся композиция будет развиваться в том же русле, в котором она должна развиваться, то есть в русле идиотизма (идиотизм - это просто хорошее слово, мне оно нравится) и то,что средства будут использоваться не совсем традиционные. Я перехожу на инструмент, на котором я необязательно хорошо играю, более того - играть нанем я практически не могу - например, ксилофон; я могу там постукивать какую-то мелодию. Но мне важно, что он тихий инструмент, потому что мне не нужно много шума. Тихий инструмент, чтобы вся первая треть была тихой и спокойной, там ничего не должно происходить. Публика за это время и устать не успеет, потому что дальше будет столько событий всевозможных, музыкальных, что в первой части она как раз должна просто сосредоточиться, а я должен как раз почувствовать ту грань, когда вот эта тишина в зале и этот идиотизм публике начинает надоедать. Я должен, я обязан это почувствовать физически. Я довожу до той грани, когда публике еще не надоело, но уже сейчас, буквально через секунду, и вот это постукивание, побулькивание, отсутствие

того, что они хотят увидеть - инструментальной игры, виртуозности, тотального идиотизма, того, что они хотят увидеть - этого пока еще нету. И вот я жду. Мне нужна связка между первым появлением музыкального момента, того, что принято называть музыкой, и тем, что было до этого. То есть все это было интродукцией. Связка такая: первую тему я выбираю - какая самая лучшая? Быструю нельзя, экспрессивную, как правило, я оставляю на конец. Либо это самая последняя часть, как я раньше делал, сейчас же у меня самая экспрессивная часть - предпоследняя, потому что финал должен быть таким довесочком, таким маленьким идиотическим довесочком. Это просто у меня такой принцип композиции. Значит, перед финалом - самая экспрессивная часть, значит, первая часть, появление музыки, должна быть не очень экспрессивная, желательно - носила бы танцевальный характер, чтобы публика, после того как она пятнадцать или десять минут слушала вот такое вот выступление, в появлении первых нот услышала что-нибудь такое гармоническое, танцевальное и раскачивающее. Ну, чтобы было что-нибудь такое, что бы сразу настроило. Вот как в джазовых концертах: когда публика услышит знакомую тему, она сразу начинает аплодировать; и вот здесь - тема незнакомая,

но она какая-то близкая, и вот я выискиваю близкую тему. Желательно, чтобы она по структуре была минимально простая, вернее максимально простая, одновременно и танцевальная, и не очень быстрая, и в то же время гармоническая, и прочее, и прочее. Для того, чтобы перейти от медитации к этому, нужна какая-то связка. Связкой я выбрал просто ритмический топот, и пока мы двигаемся, они уже чувствуют ритм, они еще не знают мелодии, но ритм чувствуют, ритм заставляет понять, что сейчас будет происходить, собственно что-то такое, и пока я дохожу до инструмента...

Н.Г. - Ты вводишь их постепенно...

С.К. - Да, вот я ввел их наконец в собственно то, что называется музыкой. Вот отсюда можно начинать исчисление композиции. Здесь есть только законы формы, я все это выстраиваю по своему ощущению формы, и все. Плюс обязательное использование материала, который мне нравится в данный момент, музыкального материала. Он может быть какой угодно, у меня вкусы и привязанности меняются с невероятной скоростью, на полностью

противоположные. И то, что месяц назад я делал композицию и мне нравилась какая-то музыка, предположим, тибетская - она мне нравилась, скажем, пять лет назад, три года назад и месяц назад, а сейчас она мне не нравится, и использование ее в сегодняшней композиции будет для меня неоправданным и нечестным, то есть - я в нее не верю. А сейчас мне нравятся простые, мне сейчас нравится долбежка. У меня сейчас любимая группа - СТАТУС КВО. Я их записал и слушаю, как умалишенный - вот такой полурок-н-ролльный долбеж на одном-двух аккордах. Вот знаешь, иногда такая музыка производит впечатление полной окостенелости мозга. И вот такая долбежка мне сейчас очень почему-то нравится, так же как мне нравится сейчас мусульманская музыка. Меня минимальные структуры сейчас очень интересуют. Я люблю минимализм, но я стараюсь быть минималистом европейским - скажем, вот взять какую-нибудь фразу вальса Штрауса и долбить ее до такого состояния, пока она не возымеет должного действия. А потом, я думаю: вот сейчас у меня начинается период оперный: сейчас у меня композитор выходит в топ - если так можно выразиться. У меня все время то, что я слушаю, все музыкальное напоминает такую вот кашу, которая постоянно булькает там, вращается, нет, даже не кашу,

я не знаю, что... И вот сейчас что-то поднимается потихонечку кверху, а потом раз - опять растворяется, и поднимается что-то другое. Вот сейчас у меня Верди поднимается просто на самый первый план, он у меня становится самым любимым композитором, и я думаю, что ближайшие программы будут состоять из Верди, просто из целых арий! Мне очень нравится, когда люди делают что-то искренне. Я уж не говорю, что вот у меня поет в ПОП-МЕХАНИКЕ барабанщик группы КИНО, Густав; естественно петь он не умеет, со слухом у него тоже небольшие лады... но человек, который безумно любит Робертино Лоретти...
Ну, любишь и отлично - пой. Берется профессиональная оранжировка, оркестр из профессиональных музыкантов играет ему Робертино Лоретти, он выходит на сцену и начинает...
Публика перестает вообще что-либо понимать: играет оркестр профессионально, вроде должен человек петь тоже так же...

Н.Г. - Тебе, наверное, и Цой поэтому нравится?

С.К. - Цой мне нравится по другому: Цой очень уверенно занимается спортом на сцене, у него система движений - он каратист сам, - и у него система движений выб-

рана оттуда. И в это время, поскольку он занимается такой гимнастикой на сцене, ему еще надо петь; естественно, петь чисто очень трудно, поскольку тут идет совсем другое дыхание! А поскольку все песни они предварительно записывают на альбомы, которые мгновенно уже знает весь город, сразу же - песни у него простые и хорошие, -то там уже не нужно и особо тонировать, поскольку зал знает песни и после первого выступления уже взрывается аплодисментами. А потом, он просто очень музыкален. Цой музыкален, и песни его мне нравятся...

Н.Г. - У него внутренняя какая-то музыкальность.

С.К. - Нет, нет, он несомненно музыкален, иначе мы бы просто сейчас о нем не говорили.

Н.Г. - Вот такой вопрос. Система Востока - вот что ты из восточного взял? Темы, подход к реальности, понимаешь?

С.К. - С Востока...Я сейчас практически не читаю книг по Востоку, но как у каждого человека, наверное, который стремится понять, что происходит вокруг, у каждого человека есть такой период, когда он читает восточную

философию. А взял я просто то, что надо делать свое дело, делать то, что нужно - то есть карма-йога - прежде всего почувствовать свое индивидуальное призвание и стараться максимально отдавать ему все силы. Вот у меня призвание... Принято считать, что музыка - это что-то вот такое, что музыкант - это нечто цельное. Мне кажется, что музыкант, который исполняет Бетховена, невероятно отличается от музыканта, который исполняет, предположим, какой-то черный джаз, от Джона Колтрейна, скажем. Музыкант, который исполняет Бетховена, гораздо ближе, может быть, к врачу, который занимается кожно-венерическими заболеваниями, а совсем гораздо дальше от Колтрейна; это просто абсолютно другое строение сознания. То есть, в рамках того, что принято называть музыкой...

Н.Г. - То есть ты хотел сказать, что в звуковом пространстве этот человек по-другому относится к структуированию этих звуков? По-другому строит свою структуру - звуковую, внутреннюю?

С.К. - До сих пор всех музыковедов мучит вопрос композиции и интерпретации: насколько интерпретатор художественно, точно передает замысел автора, скажем, Бетховена, либо

насколько пианист, скажем, по-своему передает это - тогда идут"на Рихтера", сегодня "Рихтер исполняет Бетховена" - большой плакат - "РИХТЕР", а внизу - Рихтер что исполняет? Бетховена, то-то и то-то; мы идем на Рихтера, то есть на величину. Так вот, для меня этот вопрос не существует, поскольку любая интерпретация напрочь лишает человека какого-то внутреннего, духовного переживания; он не переживает, а если переживает, то уровень его переживания гораздо более низкий, чем у человека, который творит что-то сам, исходя их своего собственного переживания. То есть для меня вопрос интерпретации просто не существует.

Музыкант должен быть прежде всего инструменталистом, и через болезнь своего инструмента создавать для него что-то, тогда это будет иметь какой-то смысл. А вопрос"интерпретации" меня уже практически не интересует - я, только я сам могу интерпретировать свои собственные произведения; любой человек, который будет играть мои произведения, не имеет никакого отношения к смоим мыслям.

Н.Г. - Ты сам клавишные хорошо знаешь... мы об инструментарии же сейчас говорим, - а то, что ты используешь какие-то дру-

гие инструменты, это просто довесок какой-то к этому?

С.К. - Нет, использование других вещей - это скорее элементы композиции, которую я строю. Я в принципе все могу построить на рояле...

Н.Г. - Но ты и опираешься на рояль, все построено на клавишных, написать ведь все это ты мог, как говоришь, лишь владея инструментом, который ты знаешь?

С.К. - В принципе, я мог бы и вообще обойтись без рояля. Но это будет неинтересно, потому что именно на рояле я могу показать то, что я умею по-настоящему, как мне кажется, а все остальное - это просто элементы психологической атаки на слушателя. Еще зависит и от настроения: дело в том, что вот то, что я говорю сейчас- завтра я могу говорить полную противоположность, это у меня вот сейчас такое настроение. В завтрешней композиции, через месяц я буду делать совсем другое. Если сейчас мне хочется играть на рояле, то был у меня период несколько лет - я рояль видеть вообще не мог, мне было тошно на него смотреть, я занимался просто счисто композицией.

М.О. - Ты вот начал говорить, Сергей, о психологии импровизатора-инструменталиста; я мог бы это популяризовать немножко, чтобы было понятно. Так, например, для пианиста-импровизатора, вот для меня лично, да и для тебя наверняка - буквально каждая клавиша на фортепиано, на рояле, ее расположение , геометрическая фигура интервала уже вот в этой плоскости имеет свое значение, свою символику определенную, то есть человек, который импровизирует на рояле, он уже импровизирует буквально слушательски-зрительно одновременно, он не просто чувствует инструмент, он его видит, он его осязает, инструмент для него - это уже он сам, а не что-то другое...

С.К. - Это все абсолютно правильно, но мы с тобой - разные люди; я мыслю более грубыми швами; если для тебя каждая клавиша - единица измерения, она играет какую-то роль, то для меня минимальная структура измерения, скажем, не нота, а какая-то музыкальная фраза, даже десяток фраз - вот для меня это минимальная структура композиции.То есть у меня

"швы" гораздо грубее: вот у тебя мелкое вышивание, у меня грубое вышивание, я имею ввиду в рояльном исполнении.

М.О. - Я бы сказал, не грубое, а более крупное или плотное.

С.К. - Если мне важен какой-то композиционный кусок, то подготовка к нему у меня идет автоматически, но я знаю что переход к этому куску и он сам прозвучит у меня так, как мне нужно, понимаешь? А для тебя вся эта подготовка, каждая нота играет существенную роль-ни в коем случае лишней ноты не должно быть, то есть - как ты чувствуешь... Я просто о принципе именно фортепьянном.

Н.Г. - А вот насчет работы с рокерами. Ты уже говорил, что работаешь, потому что привык, что с детства занимался роком, и для тебя не существует этого деления, просто включаешь себя в форму и так далее...

С.К. - Дело в том, что я работаю не со всеми рокерами, я работаю только с теми, с которыми мне нравится или хотя бы что-то привлекает меня. Вот сейчас последнее, что я делал - это мы записывались

с Кинчевым, записали "Доктор Кинчев и компания"...

Н.Г. - "Энергию",да?

С.К. - Да,"Энергию". Я записал там три песни: "Доктор Буги","Соковыжиматель" и "Экспериментатор". Сначала мы планировали, что я вообще наложу одни клавишные. Если бы мне дали волю - то есть воля у меня была полная, Кинчев сказал делать все, что хочу, но там Тропилло со своими там - "Нет, надо сюда кусочки драматизации, включить сюда хор!..."

Н.Г. - Тропиллизация...

С.К. - Да, тропиллизация.., а поскольку он главный человек, то сним спорить практически невозможно. Он записывает, и он "папа", и спорить невозможно. Я бы сделал там, конечно, гораздо по-другому. Ну вот из последнего, что записывали - это "Дети декабря" с АКВАРИУМОМ, потом мы собирались, репитировали со СТРАННЫМИ ИГРАМИ...

Н.Г. - А чем тебе с Бобом нравится работать?

С.К. - Не знаю. Мне раньше нравились его песни,, а сейчас я уже настолько привык с ним работать, и потом, нас связывают просто дружеские отношения уже много лет.

Н.Г. - Вот в Косте тебе понравилось, видимо, экспрессивность?

С.К. - Нет, Костя мне просто сам симпатичен. Вообще группа АЛИСА - музыканты там, мягко сказать, слабоваты. Но Костя мне нравится... Во-первых, мне нравятся его песни. Я впервые послушал, мне это понравилось и я подумал - если будет возможность записаться...

Н.Г. - А из более ранних работ? По сути дела, у тебя АКВАРИУМ был в основном, с кем ты работал?

С.К. - Да, основное - АКВАРИУМ... Потом, я записывался с КИНО, несколько песен - "Транквилизатор", еще в нескольких. Мне даже не вспомнить - частично я записывался очень со многими, ну, там по одной, по две песни кому-то.

Н.Г. - Они как: дают тебе что-то и говорят, что они хотели бы видеть?

С.К. - Нет, как правило, они считают, что мне виднее. То есть - пусть это не прозвучит снобистски - они обычно говорят, что "вот надо пригласить Курехина, это будет нормально, он сделает то, что хочет". Я приезжаю в студию с синтезатором под мышкой,

послушаю песню и сразу записываю что-нибудь. Как правило, мне оставляют дорожку... практически песня готова - либо это болванка, и надо украсить ее где-то, либо "вот записали бас, барабаны, гитару мы не хотим писать, голос записали, а вот тебе две дорожки - наложи туда синтезаторы, как ты хочешь". Вот, скажем, у Цоя я спрашиваю - как он хочет, а Костя мне вообще не говорит - делай как хочешь.

Н.Г. - Из рок-музыки английской и американской какие группы тебе нравятся?

С.К. - Американская популярная музыка вызывает у меня легкое недоумение. Все, что происходит в творческом отношении - происходит, несомненно, в Англии.

Н.Г. - А ТОКИН ХЕДЗ, например - это же Нью-Йорк?

С.К. - Да, ТОКИН ХЕДЗ - американская группа, у нее дух американский. Я очень уважаю Дэвида Бирна, и мне нравится ТОКИН ХЕДЗ, особенно ранние - они мне нравятся больше, чем поздние, но все равно там дух американский, дух Нью-Йорка... Это хороший дух... для кого-то, но я как-то больше тяготею к Англии, меня интересует то, что происходит там. Английских групп я слушаю очень много. Самое яркое, конечно,

в последнее время - это КОКТО ТВИНЗ, я вообще считаю, что это лучшее, что было за последние несколько лет. Сейчас очень люблю группу КАЛТ - я уже говорил, что это смесь тяжелого металла с волной такой... хорошая группа. Говорят, это примитивно слишком - но ничего, нормально. Сейчас, если вспоминать, я могу много навспоминать. Но основное я назвал, то есть то, что происходит, так сказать, в "индепендент-топе". Там постоянно какие-то движения, это как вот родной дом: получаешь новую газету, сразу в "инде" заглядываешь: ах ты черт, Роберт Вайс слетел, Роберт Крей поднялся, зачем этот козел опять! что-то они с ума сошли - в "Индетопе" стали пускать Роберта Крея - это такой блюзовик американский, полукомерческий.

Н.Г. - Ты говорил, что московские группы тебя вроде бы не интересуют?

С.К. - Нет, дело в том, что меня интересует... я все-таки... я консерватор, вот, я вспомнил! Московские группы для меня слишком прогрессивны. Я консерватор потому, что ощущение музыкальности для меня все-таки самое главное в музыке, мне кажется, что музыка должна определяться музыкальностью. В московской рок-музыке нет музыкальности, это

ее болезнь. В ней есть социальность, есть агрессия, напор, есть оригинальность подхода к слову, актуальность - все что угодно там можно найти, но нету того, что я называю музыкальностью: интонации, скажем, у певца, от которой у меня мороз по коже, либо что-то необычное, что-то такое, что для меня для слушателя было бы интересно. Я отдаю умом должное - я слушаю, скажем, ДК с удовольствием, есть у меня там любимые строчки... Вот вся московская музыка роковая относится к области художественной литературы.

Н.Г. - А тебе не кажется, что если сравнить в этом плане Москву, Ленинград и Свердловск, то возникает ощущение вот какое. В Москве такая концентрация в общем-то творческих людей - девяносто процентов писателей, художников, академиков и так далее, - и если нормально что-то скажешь, то тебя просто не услышат, и для того, чтобы привлечь внимание, нужно что-то такое... сделать, как-то вот так извернуться; в Ленинграде это спокойнее как-то.

С.К. - Нет, это не так, это так только с точки зрения Свердловска - я прошу прощения, конечно. Нужно повариться в Москве, чтобы понять, что определяет климат Москвы. Во-

-первых, Ленинград - это город более цельный, Москва - город гораздо более разобщенный. И там люди часто даже от злости, что-ли, делают что-то этакое. В Москве идет все уже либо от такого тупого цинизма, либо от пресыщенности, либо... я не знаю, от чего... масса всевозможного, у каждой группы индивидуальное ощущение того, почему она делает это, это и это. Я думаю, у ДК совсем нет ощущения того, что, мол, нам надо выпендриться как-то так, чтобы о нас говорили, они делают просто то, что им хочется, и все, я понимаю прекрасно; а уже вопрос слушателей - слушать это или не слушать. Если есть аудитория - значит, явление заслуживает внимания.

Н.Г. - А почему в Ленинграде такое резкое отличие рок-музыки, почему там другое ощущение?

С.К. - В Ленинграде ощущение музыкальности как-то не пропадает, как мне кажется. Не знаю, мне это не объяснить. Москва - более социальный город...Когда приезжаешь в Ленинград, чем с тобой в первую очередь будут делиться рокеры? "А ты слышал это, а ты слышал то", а ты послушай эту пластинку..." - о западной музыке речь идет, "а ты читал последнее интервью с Моррисом, он

там такого наговорил!"... В Москве говорят так: "А ты слышал нашу последнюю запись? Да, мы там такого устроили!" То есть Москва - это такое вот замкнутое московское государство, они живут своими проблемами, а Ленинград - они смотрят, что же происходит в Европе, в первую очередь в Англии, Америку тоже очень долюбливают в творческом отношении.

Н.Г. - Ясно.

(Интервью взято Н.Граховым осенью 1986г., в Свердловске, во время концертов С.Курехина с Летовым. В разговоре участвовал свердловский пианист Михаил Огре)

ДРИМ № 9

Стремительно врывается Леннон и в комнате становится светлее. В углу сидит бородатый Маккартни и кто-то еще, очень знакомый, но пока не узнаваемый. Пол учит его брать на балалайке аккорды.

-Где? - спрашивает Джон и долго ждет.

-Ушел, - Пол отрывается от инструмента и улыбается Джону. -А всё же ты "манёуринг свайн", - и протягивает газету.

За стеной кто-то надрывно кашляет. Джон вопросительно смотрит на Пола.

-Джордж готовится к записи "Таксмана", утомил уже...

-Ладно тебе, опять зря придираешься...

Непонятно откуда звучит "Май Свит Лорд". Неузнанный тихо встает и выходит в окно. Тут же распахивается дверь, и, распевая "Черного Кота", вваливаются Йоко и Синтия. Они, кажется, пьяны или просто не в меру возбуждены. Проходят в обнимку мимо Джона и скрываются во второй комнате. Оттуда доносится смех, переходящий в "Моржа".

-Что будем сёдня делать? - спрашивает Джордж, выглядывая из другой двери. Он наголо острижен, одет в оранжевый комбинезон, на шее наушники, в руках гитара.

-Узнаешь,- недовольно ворчит Пол и раздвигает огромный бархатный занавес, за

которым оказывается целая куча людей. Обстановка напоминает обложку "Сержанта", несмотря на отсутствие самих "БИТЛЗ" и их восковых фигур.

Джон командует: "Кругом!"

Все разворачиваются на 180 градусов, Джордж и Пол заливаются от смеха, но Джону не до шуток. Обняв стул, он плавно вальсирует под "Бенефис Мистера Кайта" и исчезает.

Из-за колонны выходит Ринго, напевая что-то про себя, а может, про Джона. Вид у него довольно хитрый. Он снимает свой огромный накладной нос, вытряхивает из него кучку перстней и достает из кармана "Огонек".

-Читали? БГ отказался от звания народного!

-А на кой чёрт оно ему, он и так нехило зарабатывает. Ты лучше послушай мой новый хит. Пока назвал "Хэй,Джюс", но боюсь, что Джону не понравится...

Пол садится за игрушечный красный рояльчик и наигрывает "Джетс". Рядом проявляется Линда и фальшиво подыгрывает ему.

-Не мешай, старая лошадь, только сбиваешь с толку.

Линда, нисколько не обижаясь, достает "Зенит" и начинает щелкать затвором. Готовые снимки она разбрасывает по комнате. Ринго и Джордж гоняются за ними и ставят автографы.

В окно вплывает белый воздушный шар в виде унитаза, на котором восседает Йоко и кричит: "Это хэппенинг в белом!" Но никто ее не замечает, шар с треском лопается и Йоко пропадает. Гаснет свет, слышится вкрадчивый шепот: "Гудбай, эврибади..."

И вновь яркий свет, из динамиков ревет "Рок-н-ролл Мюзик". Сцена заполнена музыкантами в кроссовках и цилиндрах. Ошалело носится Джон и пинает барабаны, Ринго грозит ему кулаком, а Гаккель мило улыбается из-за виолончели. Пола не видно, зато Харрисонов сразу несколько. Они синхронно танцуют, хотя и не замечают этого. Все вместе поют:

Рок-н-ролл мёртв
А он ещё нет...

Сбоку от сцены сидит Джаггер и скалит зубы. На нем майка с надписью: "Аквариум вери бест".

На мгновение суета на сцене прекращается, участники строятся в колонны, маршируют и скандируют:

Венсеремос! Венсеремос!
Ля-ляля-ля-ляляля-ляля!

Зал рукоплещет, мгновенно расширяясь до размеров летного поля. Слышен рев двигателей, Все срываются с места и бегут к самолету. На трапе показывается Джон и приветливо машет фуражкой. За ним выбираются Пол с Джорджем.

Толпа ликует и нестройно поет "- - - - - -".
Где же Ринго? А, вон он где, в кабине пилота. Старр откидывает плексигласовый колпак, сдвигает на лоб очки и покачивает зажатым в руке букетом роз.

В небо летят тысячи разноцветных шаров. Олимпийский Мишка на глазах трансформируется в Желтую Субмарину и плавно уносится в высоту. Звучит "Марсельеза"...

... Постепенно какое-то стрекотание нарушает идиллию. Все вокруг тает и угасает, под непрекращающийся нудящий звук на голубом небе проглядывает окно моей комнаты.
Я открываю глаза. Телефон умолк, сделав свое черное дело. Со стены в упор смотрят знакомые с детства лица, в ногах валяется последний номер "Рокси", из колонок вкрадчиво доносится " . . . . "

Л.Юрьев

З Н А Й

Н А Ш И Х !

ВСТРЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ
(Свердловск)

Группа впервые возникла в 1983 году в составе:

Юрий Хазин;

Владимир Махаев.

Дуэт существовал вплоть до первого свердловского рок-фестиваля (июнь 1986-го), за неделю до выступления к коллективу присоединился гитарист Юрий Мишков.

После фестиваля Хазин отправляется на заработки в Амурскую филармонию в составе поп-бригады "Три Цвета Времени", а неугомонный Махаев создает группу "Рок-Ко-Ко", которая за месяц существования успевает дать полтора концерта и записать выдержанную в провинциальном духе программу на местном телевидении.

Весной 87-го "разбогатевший" Хазин приезжает в отпуск и берется за старое: по его инициативе "Рок-Ко-Ко" целиком вливается в возрожденное "Встречное Движение". В результате возникшей турбулентности происходит небольшое перемещение состава: бас-гитарист Виктор Ковалев садится за пульт, а его место занимает Саша Доброславин, не расстающийся со своей гитарой

даже во сне. За компанию с ним приходит клавишник Вадим Шариков. Икебану довершает присутствие ветерана рок-сцены, первого барабанщика "Урфина Джюса" - Александра Плясунова и умелого соло-гитариста - Вити Коврижных.

Если с музыкой у группы все в порядке, то отсутствие ярких текстов является большой проблемой. В настоящее время ведутся поиски "своего" поэта, ибо использование классиков и собственных опусов не вызывает у музыкантов чувства автоудовлетворения.

На фестивале 87 года группа выступить не рискнула, отдав все силы аранжировке и отработке новой программы. Дебютное выступление на концерте для участников семинара рок-клубов страны в октябре этого года состоялось в новом составе:

Ю.Хазин	-музыка, клавиши, текст, вокал, Roland JX-8P, рояль;
В.Махаев	-ведущий вокал;
В.Коврижных	-лидер-гитара YAMAHA
Ю.Мишков	-гитары, мандолина;
В.Шариков	-клавиши YAMAXA DX-21, Roland JX-8P, рояль;
А.Доброславин	-бас-гитара IBANEZ
А.Плясунов	-барабаны SUPER AMATI
В.Ковалев	-звук.

Музыка и текст Ю.Хазина

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сегодня все говорят громко.
От этого музыка звучит очень тихо.
А я всегда любил музыку Баха.
Она меня звала на крест, но я не
чувствовал страха.
А сегодня я слушаю программу "Время".

А сегодня я слушаю программу "Время".
Ту, что вчера не смотрел.
А сегодня я слушаю программу "Время".
Я рад, что к началу успел.

Зеленые заборы,теглые дни,
Свежий ветер дует с гор.
Начинаем мы с тобой вести
Очень откровенный разговор.

Сегодня все говорят громко.
От этого Истина стала вульгарной дамой.
А я всегда любил тихое слово.
Оно мне нравилось вчера,
И будет нравиться снова.
А сегодня я слушаю "Хэви металл".

А сегодня я слушаю "Хэви металл".
Нет ответа - есть вопрос.
А сегодня я слушаю "Хэви металл"
На металл повышенный спрос.

Сегодня все говорят громко
О том, как легко можно делать деньги,
А я всегда любил делиться хлебом
С тем, кто шел впереди меня,
И с тем, кто двигался следом,
А сегодня это дорого очень.

А сегодня это дорого очень,
И трещит семейный бюджет.
А сегодня это дорого очень,
И нужен другой сюжет.

Зеленые заборы, теплые дни.
Свежий ветер дует с гор.
Будет ли кому договорить
И затеять новый разговор.

Музыка Ю.Хазин. Стихи
Циприана Норвида

МОЯ ПЕСЕНКА

По тем просторам, где крошек хлеба
Не бросят наземь, считая все же
Их даром неба,
тоскую, боже...
По тем просторам, где на Христово
Благословенье похоже
Привета слово,
тоскую, боже...
И об ином, о чистом столь же,
Как ветроград средь бездорожья,
Все больше, больше
тоскую, боже...
По не впадающим в сомненья
По тем, чье да на да похоже,
А нет на нет, без светотени
тоскую, боже...

ВОДОПАД им. Вахтанга Кикабидзе
(г.Верхотурье)

Свое начало ВОДОПАД берет от поэтических упражнений двух Юрок, выполняемых ими во время ночного пути от районного ДК до места проживания. Крупнейший меломан Верхотурья Ю.Демин и член тамошнего ВИА "МИГ" Ю.Аптекин, призвав на помощь выпускника музшколы Валерия Пахалуева, состряпали свой первый шедевр - "Музыкальный фельетон о современной любви". Запись получила локальное распространение, трио "ВОДОПАД" - местное признание. Шел 1985 год. В то время название группы читалось так: "Верхотурское Общество Дебильных Отщепенцев Пахалуев Аптекин Демин".

Не желая останавливаться на достигнутом ВОДОПАДЫ решили усилить свои ряды. В "Общество..." был принят Сергей Лукашин - матерый культпросветчик, незаурядный поэт и вообще бывалый человече. Началась работа над вторым альбомом (Волею судьбы впоследствии он стал первым, оттеснив назад предыдущую пробу сил). Новую работу окрестили просто: "ВОДОПАД отвечает на письма". Лукашин сгреб группу в творческий кулак,

пришло несколько десятков писем, причем не только восторженных. Впору было ликовать, но суровая проза жизни внесла коррективы. На данный момент существование ВОДОПАДА как группы под большим вопросом. Для истории приводим состав группы времен "Панк-съезда":

Валерий Пахалуев - вечный клавишник, композитор-аранжировщик, певец;
Юрий Аптекин - гитарист, также композитор;
Евгений Никонов - гитарист и вокалист;
Сергей Лумпов - басовик;
Юрий Радисев - баянист и барабанщик;
Юрий Демин - оператор;
Сергей Лукашин - текстовик, режиссер, автор трех композиций, исполнитель пяти песен, он же основной актер в диалогах

МаРока - 87

взвалив на хребет обязанности режиссера-постановщика, автора либретто и текстов, частично музыки и ведущего вокала. Для расширения музыкальной палитры к работе был привлечен несовершеннолетний Юрка Радисев. Затем подтянулся Мультиинструменталист и прирожденный артист Вячеслав Колесников. Был кто-то еще, но всех сейчас не вспомнит никто. Из старых запасов ВОДОПАДА были взяты "Быков" и "А я работаю в колхозе", Лукашинские частушки назывались незатейливо: "Неприличное Слово","Мелодия", "Ишак" и другие. Ускоренно-буратинистые голоса -торговая марка ВОДОПАДА - стали раздаваться во многих уголках Союза.
1987 год явился для группы этапным: традиционно для молодой группы провалившись на творческих мастерских, ВОДОПАДЫ попросили официального убежища в Свердловском рок-клубе, благо и на родине секретарь райкома комсомола заключил с ними творческий альянс.

Работа интенсивно продолжалась, гора замыслов закрывала далекие горизонты. В итоге мучительной суеты родилось новое детище: "I Всесоюзный Панк-съезд". Альбом был моментально растиражирован и разнесен по стране появившимися фанами ВОДОПАДА. По адресу, сообщенному в конце фонограммы,

ДОСРОЧНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

А НАУТИЛУС меняется. Не только внешне, хотя это заметно в первую очередь: в коллективе появился третий клавишник, и, как следствие, - смещение акцента в аранжировках в "сторону клавиш". Интересно было услышать старые знакомые вещи в новом, синтезированно-бутылочном орнаменте японских "Коргов" и "Ямах". Однако те эпизоды, где Бутусов делает ставку лишь на мощь электроники, давя на слушателя утроенным органным звуком, звучат пресно, ибо НАУТИЛУС приучил нас к тому, что делает все не так, как другие. Признаться, у меня было сильное желание отобрать у Могилевского синтезатор и дать ему в руки саксофон - пусть выдувает из него все, что душе угодно, без стеснения и ограничений. От этого выиграл бы и зал, и сами музыканты. В те моменты, когда он возвращался к своим прямым обязанностям, возникало ощущение праздника: яркие, синкопированные ритмы, несдерживаемый полет освободившейся (от давления Бутусова?) фантазии и ослепительных, коротких, словно вспышки молнии, импровизациях.

Но обозначившееся тяготение к клавишным, кроме отрицательных моментов, связанных с общепринятыми нормами современной эстрады (которые сами по себе, в любом виде, проти-

вопоказаны Искусству), дало и положительный результат - мощную интерпритацию хорошо известной песни - "Я хочу быть с тобой", здесь группа поднялась до подлинных вершин драматического мастерства.

В новых песнях НАУТИЛУС продолжает старую тему ("скованные одной цепью"), но им уже не достает чего-то для достижения эффекта "сверхестественности", который производили общепринятые хиты при первом прослушивании. Вместе с тем заметно стремление к усложнению музыкального материала,звучание прозвучать нетривиально, периодически возникающее у Бутусова, что,безусловно, правильно - только так можно удерживаться на плаву слушательского интереса. К сожалению, им не хватает последовательности: в репертуаре НАУТИЛУСА вещи, достаточно банальные с музыкальной точки зрения. Возможно,они были созданы в спешке для удовлетворения алчущих поклонников?

На протяжении концерта не покидало ощущение того, что группа вот-вот скажет свое главное, на сегодняшний день, слово, споет свою Основную Песню, но этого мы не услышали.

Нужно отметить и низкое качество звучания аппаратуры, плохо совмещенной с акустическими свойствами зала ДК "Урал". Похоже, что оператор недостаточно выставил уровень бас-гитары, что лишило НАУТИЛУС динамического стержня, а саму музыку той хищности и агрессивности, кото-

рые всегда к ней привлекали. Бросилась в глаза и усталость, какая-то аппатия музыкантов, что можно объяснить нагрузкой (это был их четвертый вечер в "Урале", а за неделю до этого три концерта в ДК им.Дзержинского и пара в Березовском. Особенно огорчил вяло-монотонный голос Бутусова, еще недавно поражавший своей выразительностью, предельной самоотдачей. Впрочем, это лишний раз подтвердило старую истину: Искусство не может быть тиражировано.

Все это вместе взятое, создавало впечатление некоей неполноценности НАУТИЛУСА, явленного нам в тот вечер, хотя зал бурно приветствовал своих любимцев. Жаль, что обещанный "Ринг" не состоялся - было бы интересно залезть в душу одного из интереснейших рок-коллективов страны, рискуя, впрочем, получить пару встречных ударов.

В творческом плане НАУТИЛУС, по-моему, находится в начале пути к какой-то новой ступени своего развития и хочется верить, что Бутусов уже видит новые горизонты. Остается ждать, когда они откроются и нам

ЗАЙНУЛИН Р.Р.

НОКАУТ
В
ПОДЪЕЗДЕ

Начало было традиционным: на сцену выскочили вразнобой одетые люди. "Сейчас это так принято", - подумал я про себя. Однако в последовавшей за этим песне мое ухо, порядком утомленное телештампами, было приятно удивлено чем-то свежим и оригинальным. Мощный голос широкоплечего парня в надвинутой на лоб кепке неумолимо наступал словно какой-то механизм, повинуясь чеканному ритму. Незатейливая мелодия и не более затейливые слова (но это почему-то и привлекало) как-то сами собой захватили сознание и вот уже вместе с ними я подпевал рефрен песни: "А- А - Аве, Мария!".

Так вот он какой "ЧАЙФ" - разгульно лихой, как исстари на Руси удалой, но в то же время остро современный. После третьей песни возникает чувство, что это что-то напоминает: так оно и есть - ощущается влияние "ТЕЛЕВИЗОРА": та же музыкальная стилистика, та же манера подчеркивать концовки фраз, даже жестикуляция "под невскую", только не так убедительно, как у оригинала.

Но тут "ЧАЙФ" резко меняет курс, достав из запасников вещи постарше: зал неистовствует, однако выдерживает ультиматум Калужского "Огонь не зажигать!". В самый разгар музыканты берут тайм-аут и дружно усаживаются на скамейке: начинается собственно "Ринг". Уровень зрительской активности оказался нес-

колько выше, чем можно было ожидать, и вот мы с интересом слушаем объяснение Бегунова-Гуляева, как он"сочетает обязанности члена КПСС с выступлением в таком ансамбле", узнаем о их футбольных вкусах. На выпад: "Вы в жизни такие же, как на сцене?" ребята моментально парируют: "А что, вы, спите тоже в галстуке?" Они упорно разыгрывают из себя плутоватых простачков, лишь барабанщик Назимов серьезен: увлекшись он поведал о своих музыкальных привязанностях, представил оптимальное число "команд", в которых он должен играть для поддерживания достаточного уровня техники игры и собственного удовольствия.

После встречи я попытался понять: "Чем же привлекает к себе эта группа? За счет чего собирает она полные аудитории и приводит их в состояние восторга?"

ЧАЙФ не предлагает слушателю изощренной музыки, в составе нет ярких [illegible] инструменталистов-виртуозов (хотя необходимо отметить утонченно-интелектуальную работу Назимова, своей игрой вносившего изысканную пряность и профессионализм в музыкальную канву "ЧАЙФА") Их музыка, намеренно приземленная позволяет выдержать свой имедж - сценический образ "дефективных мальчиков из подворотни", как метко назвали их из зала. Для чего это им? На мой взгляд, здесь кроет-

ся сущность творчества ЧАЙФА - это протест против всего с виду чинно-приличного, праздно-парадного, но пустого и бездуховного, мертвого внутри. А чтобы как-то оживить зрителя, успевшего стать равнодушным ко многому, вызвать на лице улыбку, заставить вслушаться, и появилась эта ироничная карикатура от лица "дефективных".

Как долго сможет удерживать внимание публики коллектив с таким "дубовым" лицом? Предполагать трудно, рассудит время. А мы будем с интересом ждать новых работ ЧАЙФА.

333-Й

Р Е З О Н А Н С

Я не была в Ленинграде, но он мне снился отчетливо и подробно: дождливый и сумрачный. А в тот вечер на собрании рок-клуба были гости из этого города.

Саша Старцев из журнала "Аврора"(?) веселый и разговорчивый парень слово за слово, смешок за улыбкой отстрелял в нас обойму питерских новостей, о Юре же Наумове, приехавшем со своей программой, сказал примерно такими словами: "Наумов - явление своеобразное. Раньше я думал, как можно внимательно слушать одну песню девять минут? - Оказывается можно". Потом он пытался проанализировать как Юра пишет свои песни. Чудак-человек... Ведь объяснить, как написана величайшая картина художника - это все равно, что дать рецепт, как стать бессмертным. Таким образом, из этих объяснений мы поняли, что ничего так и не поняли, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

И все пошли перекурить перед дальней дорогой в неведомую страну наумовских песен. А Гость тем временем проверил микрофоны, инструмент. "Осторожная пантера" - подумала я. Почему именно "пантера"? Наверное, мягкая, но быстрая пластика его напомнила мне эту дикую кошку, ам может быть иссиня-черная, искристая копна волос, которым мог бы поза-

видовать солист шведской группы "Европа". Ах, если бы Никола Паганини был бы так осторожен, предательницы струны не секли бы его с визгом по лицу... Но тогда бы не состоялся тот дьявольски величайший концерт, когда он отыграл лишь на одной струне.

Перекур затягивался. Посланца Ленинграда отпаивали горячим чаем. Он так и вошел в зал с чайной чашечкой на блюдце как со свечой во храм.

А дальше не помню. Нет, у меня не как у героя фильма "Джентельмены удачи" - "Упал в поезде, с полки: здесь помню - здесь не помню... Я не помню потому, что не хочу об этом ни писать, ни говорить. К чему расточать слова? Пусть это так и останется во мне. И в каждом, кто в тот вечер уплыл за нашим Пришельцем в штормовое открытое море на легких, быстрых одноместных лодках.

Мефистофель, Сатана, Повелитель огненных саламандр, высокогорный гриф и просто человек, нежнейший сын, бесстрашный отрок с улыбкой, перед которой палач выронил бы из рук топорище.

Потом золотистое тело гитары он бережно укутал в грубый холст. Кому во время его песен приходило в голову смотреть на часы и засекать, что они у него по девять минут?

Не понимаю...

У выхода я протянула Юре руку
- Спасибо, я это не забуду никогда.
Он не расслышал.
- Всего хорошего, - ответил невпопад.

МАРИНА

НЕЧТО
РЕПУНСИОННОЕ
(по НОП-МЕХУ)

Смачно цвели зеленые ананасы, утрело, ничто ничего не предвещало, хотя уже чувствовалось. В воздухе сладко и томно пахло ипритом, затмевая своим ароматом тягучую струю кислой капусты, коею работники местной столовой мнили привлечь ранних посетителей. Сеня Шмакин давясь радостным коктейлем запахов, решил в школу не ходить, тем более, что она была закрыта по случаю зимних каникул еще с той весны.

Радостно поплевывая на свежевыкрашенный забор, он пошел к речке, где вчера на славу потрудились местные браконьеры. Перед глазами простирались родные просторы и веревки с простиранным бельем, а также гомоном всякой птичьей нечисти, которая уже успела это белье облагородить.

В лесу за речкой негромко, но очень навязчиво гудели приближающиеся танковые бригады Гудериана. "Вероятно к плохой погоде"- подумалось мальчику и он, взвалив на свои хрупкие плечи мешок с портвейном и кефиром, пошел далее.

А в это время, на своем комбайне местный передовик и штатный алкоголик Птибурдюков давал на гора два плана.

Подойдя к котловану, который еще вчера был речкой, мальчик подумал - "Да, хорошо

вчера потрудились рыболовы..." Много, видимо, рыбы было. К котловану подошел головной танк. "А что, мальчик, - сказал по-немецки ихний офицер, поправляя свободной рукой съехавшие галифе,-где тут можно водицы испить?" Но юный патриот не растерялся и недрогнувшим голосом геройски воскликнул - "Видишь лес - это войско Чапая, видишь реку - это шашка Чапая, мать твою иносранную растак, а где напиться я и сам не знаю".

Подумал ихний офицер: "Велика видать воля у этого народа, если у них даже дети такие матершинники", но вслух сказал: "А, к примеру, полицаем не хочешь?", хотя где-то в глубине души у него зрела мысль, что сия компания напрочь проиграна. Это было за три с половиной года до того, как Штирлиц, отменив всеобщую мобилизацию, сдал Берлин на милость победителям.

Но долго еще будет жить в груди народа память о славном мальчике, отвратившем лихую беду, тем более, что вспомнить не трудно, ибо вот он (оглянитесь) стоит без очереди в очередь за колбасой.

Посвящается скромным героям, простаивающим все свое свободное время, невзирая на лишения, кривые взгляды и плохую погоду в очередях на спальные гар-

нитуры, швейные машинки,
колбасу и остальную столь
же необходимую утварь.

В.Гуляев

Б У Х И Е
Т Е Л Е К О Н Ч И К И

ОТМЕНИСТРАТОР

ЛЮТОВКА

ЗВУК ЕМУ

РОГ - КЛУБ

НОЮЩИЕ ГИТАРЫ

ХЭВИ - МЕДАЛИСТ

ДОБЕРМАН - КИНЧЕВ

ТОРЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ

ОТТОРЖЕНИЕ

КУПЮРАТИВ

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

САША ГАДСКИЙ

АПРЕЛЬСКИЙ ШАРЖ

НАУТИЛУС ПОПИЛИУС

ПОНТ - МЕХАНИКА

СТАС С НАМИ

БУТУСОВКА

Ф И Н А Л

-Октябрь...Уж наступил...
- Откуда у него ноги?
- Уж - ненавижу!
(Просто бред)

Оп-ля! Вот мы и проскочили октябрь - месяц надежд, проблем и далеко идущих планов. Что принес этот баловень природы? Во-первых, Свердловск еще раз утвердил себя в лице Союза, а то и покруче (как-никак Семинар, к тому же Федерация, да еще и Манифест!!!), во-вторых, мы позволили себе принять и обслужить ПОПУЛЯРНУЮ МЕХАНИКУ имени КУРЕХИНА, в-третьих, крепко встал нам на ноги кооперативный шоу-бизнес и убегать от него стало все труднее, (да и зачем?), в-четвертых, у "МаРоки" - маленький юбилейчик: Вы держите в руках Пятый Номер Вашего любимого журнала. Редакцию просто удивляет позиция Житинского - уже который месяц, раскрывая "Аврору" мы надеемся найти мало-мальский намек на существование уральской сестренки "РИО" и "Рокси",но тщетно... Что с него возьмешь - дилетант.

Обратите внимание: впервые мы послали к чертям раздел ТИК-ТАК, лишив наш Маятник радости ритмичного движения. Но не надейтесь, что мы откажемся от старого названия журнала, "МаРока" ляжет в гроб в собственной шкуре. Подобные некронастроения не от хорошей жизни, ибо в последнее время ходят базары: зачем

нужна клубу "бульварная поп-пресса", стоит ли описывать то, что в принципе не поддается пересказу, чем так писать - лучше вообще не мараться...

Тем, кто сомневается в целесообразности существования "МаРоки" предлагаем обратиться в редакцию: совместными усилиями мы попытаемся убедить мир в обратном. А пока лишь твердо обещаем выпустить в свет еще одно детище, эмбрион которого уже ворочается в редакционном чреве.

Не пройдет и полгода...

Содержание